

Осторожно! Мечи матершинники!

Парад закончился, но праздник только начинался.

Площадь была усыпана лепестками и бумажными обрывками, но никто не жаловался.

Люди жадно осматривали землю в надежде найти упущенные серебряные монеты, а в пабах и трактирах до глубокой ночи стоял звон бокалов и весёлый гам.

Даже дорогие закуски заказывали без колебаний. Отчасти из-за праздничного настроения, но и то, что серебряные монеты сыпались с неба среди бела дня, несомненно, развязало всем кошельки.

Весь город бурлил от возбуждения, прямо как тогда, когда впервые пришла весть о падении Короля Демонов.

Благодаря этому трактир Эдди был забит под завязку туристами, желавшими присоединиться к празднеству.

Другими словами, больше людей, чем когда-либо, уплетали «Огненную лапшу с курицей».

Поначалу немногие решались её заказать. Блюдо звучало незнакомо. Но несколько смелых посетителей, желавших поесть, говорили: «Лапшу? То есть, блюдо из лапши? Давайте!» — и с этого всё началось.

— А-а-а-ах!

— У меня губы горят!

— Яд! Это без сомнения яд!

— Молоко!

Такая огненная реакция в тот момент, как она касалась их ртов, должно быть, разожгла любопытство, потому что вскоре все выстроились в очередь, чтобы попробовать, и «Огненная лапша» стала продаваться как горячие пирожки. Молоко практически продавали как часть набора.

Впервые с момента основания перед уборной трактира Эдди выстроилась очередь из людей,

пританцовывающих на месте. В конце концов, когда некоторые гости не смогли сдержаться и побежали искать удобства в других зданиях, Эдди наблюдал за ними с широкой, довольной улыбкой.

— Хорошо, хорошо.

Это была дьявольски довольная улыбка.

В бизнесе всё упиралось в своевременность. Теперь, когда он успешно привлёк их внимание чем-то острым, Эдди решил, что пора начинать выкатывать следующий продукт. Он с любовью посмотрел на таверну на первом этаже, забитую клиентами.

Ещё до того, как нахлынула толпа, Эдди уже подготовил комнату для Кетрона на втором этаже трактира.

Прямо рядом с его собственной комнатой.

Это была привилегия, которой не удостаивался даже Джеральд, и Джеральд даже не пытался скрыть своего недоумения и недоверия.

— Что в этом бродяге такого, что ты ради него так стараешься, Эдди?

Он выглядел так, словно видел, как случайный камень выбивает прочно сидящий в земле булыжник. Технически, Джеральд не был тем самым булыжником, и его не вышибли, но атмосфера была очень похожей.

Эдди не мог толком объяснить. Как он мог сказать: «Это на самом деле мир романа, а того парня, которого ты называешь нищим, и есть настоящий протагонист — преданный, забытый Герой»?

— Он просто ребёнок. Мне его жалко.

На самом деле, их возрасты не так уж сильно различались, но Эдди выдал слабую отговорку. В его глазах Кетрон и вправду выглядел как младенец.

Он умер в двадцать восемь. С этой точки зрения, двадцать — это практически младенец. Мягкий и с детским лицом.

И теперь этот ребёнок прошёл через столько всего и стоял перед ним раненый — как можно было не почувствовать жалость?

К тому же, вряд ли остались люди, которые вообще помнили об ужасных вещах, пережитых Кетроном.

— Он ранен. Я подумал, что позабочусь о нём, пока он не поправится.

— ...

Джеральд выглядел озадаченным, но больше ничего не сказал. Он лишь испустил долгий, глубокий вздох, который кольнул тонкую совесть Эдди. Это был тот взгляд, которым смотрят на младшего брата, притащившего с улицы бездомного пса.

— Эти раны вообще заживут? Он отказывается от лечения.

— М-м.

Эдди не удалось обработать раны Кетрона. Не из-за недостатка в навыках, а потому что Кетрон не позволял ему даже взглянуть на них.

Хотя медикаменты была “привезены с Востока”, Кетрон отвергал любую попытку контакта, словно застенчивый кот, избегающий незнакомцев.

Что ж, это было не так уж и удивительно. Эдди не принимал это на свой счёт. Парень, преданный ближайшими товарищами — если бы он доверял незнакомцам, это было бы странно.

Насколько это касалось Эдди, тот факт, что Кетрон не «одичал» и оставался внутри трактира, уже был победой.

В романе никогда не описывалось, что произошло после того, как Кетрон «одичал», но по зловещим намёкам и его бескомпромиссному чувству справедливости Эдди сомневался, что всё закончилось бы хорошо.

Такое чувство, будто он только что предотвратил конец света. Думая так, Эдди подмигнул Джеральду.

— Я разберусь. И чтобы он хоть что-то поел.

Это было довольно жалкое зрелище, словно ребёнок торжественно обещает родителям позаботиться о бездомном, которого только что притащил домой — но в конце концов Джеральд отступил. С глубоким вздохом.

— М-м.

Эдди стоял перед дверью комнаты Кетрона, глядя на брошенные предметы.

Суп и банановое молоко, которые он принёс Кетрону, не вызвали никакого интереса.

С того момента, как Кетрон вошёл в свою комнату на втором этаже, он не сделал ни шага наружу.

Эдди оставлял лекарства, еду, банановое молоко у двери — но Кетрон даже не приоткрыл дверь.

Словно он объявлял себя отрезанным от всего мира.

Иногда то, что человеку действительно нужно, — это чтобы его оставили в покое.

Но Кетрон уже провёл прошлый месяц в одиночестве и молчании.

Теперь, решил Эдди, настал момент, когда кто-то должен протянуть руку.

Он взял холодное банановое молоко и трубочку из холодильника у входа в магазин и направился обратно в комнату Кетрона.

Стоя перед дверью, он ещё раз взглянул на холодный суп, тёплое молоко, нетронутые лекарства — затем решительно подобрал отвергнутые припасы, постучал в дверь и —

Кетрон сидел тихо рядом с кроватью. Священный меч «Альбатрос» был прислонён рядом, лениво обёрнутый плотной тканью.

«И ты собираешься сидеть здесь вечно?»

Голос «Альбатроса» прорычал с яростью. Это был голос, который слышал только Кетрон, его избранный владелец.

«У сломанной марионетки больше стойкости, чем у тебя. Где тот Кетрон, которого я знал?»

— ...

«Тогда уничтожь мир. Скажи слово, и я с радостью поделюсь с тобой своей силой».

Священный меч «Альбатрос».

Обычно, когда думают о священном мече, возникают образы божественной праведности и чистоты — но «Альбатрос» был другим.

У него были эмоции богаче, чем у любого человека, чудовищная гордость и подавляющая агрессия.

Если он не признавал тебя, он даже не позволял тебе поднять себя. И теперь он злился на ситуацию Кетрона сильнее, чем сам Кетрон.

«Тот идиот, что раньше тыкал в меня, словно в трофей, блядь, украл твоё место и славу. Не могу в это поверить».

Даже когда «Альбатрос» осуждал Артура, Кетрон не реагировал. Ему нечего было сказать. Как выразился «Альбатрос», он был безжизненнее сломанной марионетки.

Что ему делать? Кем он вообще был?

Ответов не было. Если бы «Альбатрос» не помнил его и не заговорил, он, возможно, сошёл бы с ума, даже не добравшись до Империи.

В тот миг, когда он думал, что достиг вершины, он рухнул в самую низкую бездну. И теперь ему некуда было подниматься.

Он был один в пустоте. Не было никаких вариантов.

Он просто существовал. Как нечто, что не является никем и ничем.

Существо, которого никто не помнит.

...Нет. Он будет помнить.

Артура. И Борам, тех, кто и наложил заклятье.

Стоит ли ему мстить? И если да, что это изменит? После того, как он выплеснет всю эту ярость, что останется? Даже если он вновь провозгласит себя Героем, пока весь мир забыл его, кто поверит?

Будучи бывшим товарищем Артура, Кетрон хорошо его знал. Он был человеком, полагающимся на сообразительность. Интриган, всегда острый на язык.

Артур наверняка планировал и готовил всё, что мог, на случай, если преданный им Герой вернётся в поисках мести.

«Ты же меня хорошо знаешь, не так ли, Артур».

— ...

Кетрон закрыл усталые глаза.

Он пришёл в этот трактир не потому, что хотел осесть. Он просто выбрал его, потому что здесь было тише и спокойнее чем где-либо ещё.

У него не было намерения пускать корни. Он был здесь только потому, что не знал, куда идти и что делать дальше.

«Хаа...»

«Альбатрос» испустил долгий вздох и наконец замолчал. Хотя он и был духом, заключённым в меч, за годы он повидал бесчисленное множество людей. Он понимал людей, но никогда не мог постичь их мысли.

Даже священный меч не мог понять, что творилось в голове Кетрона сейчас.

Когда наконец воцарилась тишина, Кетрон закрыл глаза.

Тишина была прекрасна. Она куда больше подходила его натуре, чем шум. Он слишком долго был сопряжённый с людьми, слишком долго находился в хаосе — но эта тишина, вот чего он поистине хотел.

Кетрон снова погрузился в глубины моря. Холодного, тёмного и бездонного.

Тук-тук.

Но прежде чем он успел доконца погрузиться, тишину прервал стук.

— Эй, можно войти?

Это было сформулировано как вопрос, но человек за дверью явно не ждал разрешения. Похоже, он знал, что Кетрон не ответит — и был прав. У Кетрона не было никакого намерения отвечать, так что не было смысла чувствовать себя оскорблённым.

Дверь открылась, и на пороге появился трактирщик.

Сначала в комнату вплыли сияющие серебряные волосы, за ними — лицо, идеально подходящее такой яркости — Эдди тут же подмигнул ему, как только их взгляды встретились.

— Что, не плакал? Молодец, что держишься.

Услышав это, Кетрон непроизвольно скривился, словно не веря своим ушам.

...Кого это ты называешь плаксой?

Переводчик и редактор: Mart Propaganda.

<http://bllate.org/book/14756/1316935>